

СОДЕРЖАНИЕ

- 8 Предисловие к русскому изданию
- 11 Благодарности
- 13 *Nombre Noir*: как я попал в парфюмерию
- 21 Формула
- 26 Как создаются духи
- 31 К чему духи отношения не имеют:
воспоминания и секс
- 34 Парфюм — это ум и красота
- 38 Визит в музей парфюмерии
- 42 Королевский папоротник
- 45 Почему «натуральное» не всегда хорошо
- 49 Почему «химическое» не всегда плохо
- 54 Ответ Фейнмана
- 61 Начала запаха: химические слова
- 65 Запах становится парфюмом: химические стихи
- 69 Читаем стихи по строкам
- 72 Как создают молекулы
- 76 Проблема терминологии
- 79 Ландшафт запахов
- 126 Немного биологии
- 130 Ключи и замки
- 133 Кто поворачивает ключ?
- 136 Мембранные рецепторы
- 138 Поиск рецепторов
- 140 Видимость атомов

- 144 Эволюция как великий слесарь
- 148 Алфавит запахов
- 152 Основные запахи
- 155 Запах в зеркале
- 163 Несколько странных подсказок
- 172 Малкольм Дайсон
- 177 Его главная идея
- 180 Молекулярные аккорды
- 182 Запах ракетного топлива утром
- 189 Роберт Г. Райт
- 194 Возрождение колебаний
- 197 Как это работает
- 201 Новые проблемы
- 205 Закат теории колебаний
- 210 Опять зеркала
- 213 На помощь приходят физики
- 215 Яклевич и Ламбе
- 218 Прорыв Джайевера
- 222 Поиск пульсаций
- 226 На волосок от запаха
- 229 Клифтон Мелозн
- 234 Наблюдение Джона Блахи
- 238 Здесь вступаю я: полярограф
- 246 Белковые полупроводники
- 249 Парфюмерный гид
- 253 Финансы с неба
- 258 Откровение в Португалии
- 261 Эксперименты в запертой комнате
- 281 Будущее ароматов
- 283 Картофельные чипсы и другие виды искусства
- 285 Просто будущее
- 287 Указатель

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Лука Турин, парфюмерный химик и родоначальник парфюмерной критики, легенда аромасообщества. Он пишет хлесткие остроумные тексты, дает парадоксальные характеристики духам, может обругать самый легендарный и почтенный аромат или, наоборот, превознести до небес проходной выпуск масс-маркета.

С Туриним меня познакомил Ги Робер летом 2007 года на лестнице Дворца Фестивалей в Каннах во время Всемирного парфюмерного конгресса. Со мной уже путешествовала его только что вышедшая книжка «The Secret of Scent», и я воспользовалась случаем ее подписать.

Лука оказался высоким, обаятельным, чуть печальным человеком с острым умом, богатой и живой мимикой и пулеметной скоростью разговора на всех известных ему языках: способность к языкам — свойство щедрого музыкального слуха.

Поздоровавшись со мной, Турин сразу начал пересыпать английскую речь русскими словами, произносимыми практически без акцента. Оказалось, что он бывал в Москве на стажировках в Академии наук и, более того, собирается

туда снова. «Как вы называете символ @?» — спросил он, записывая мне на листке бумаги свой адрес и телефон. «Собака», — ответила я, чем вызвала бурю веселья.

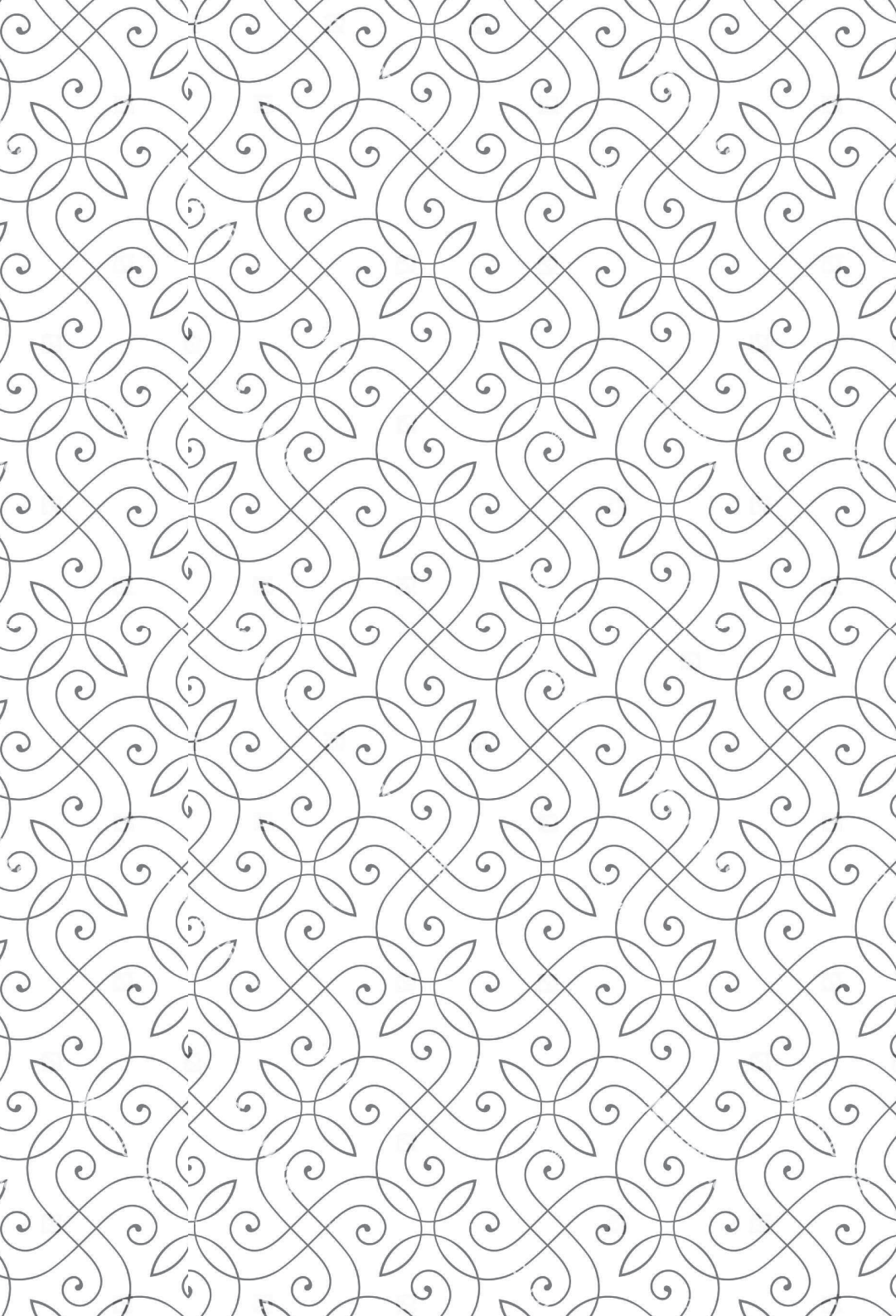
Мы договорились об интервью в тот же день и расположились на стенде ISIPCA вместе с Ги Робером. Говорили о новом «Гиде», который Лука писал тогда вместе с Таней Санчес, о переформулировках классических ароматов, об IFRA, о новых эксклюзивах Chanel и, конечно же, о вкусах и объективности в оценке ароматов. Лука Турин удивлял неожиданными суждениями.

У меня тоже нашлось, чем удивить Турина. С пустыми руками я, по коллекционерской привычке, не ездила, и подарила ему пробирки с антикварным герленовским Bouquet de Faunes 1926 года и редчайшими Fleur de Vigne и Doblis от Hermes.

Nombre Noir Shiseido, о котором пишет Лука Турин в этой книге, я тоже раздобыла потом на аукционе, было очень интересно, что именно привело Турина в парфюмерию.

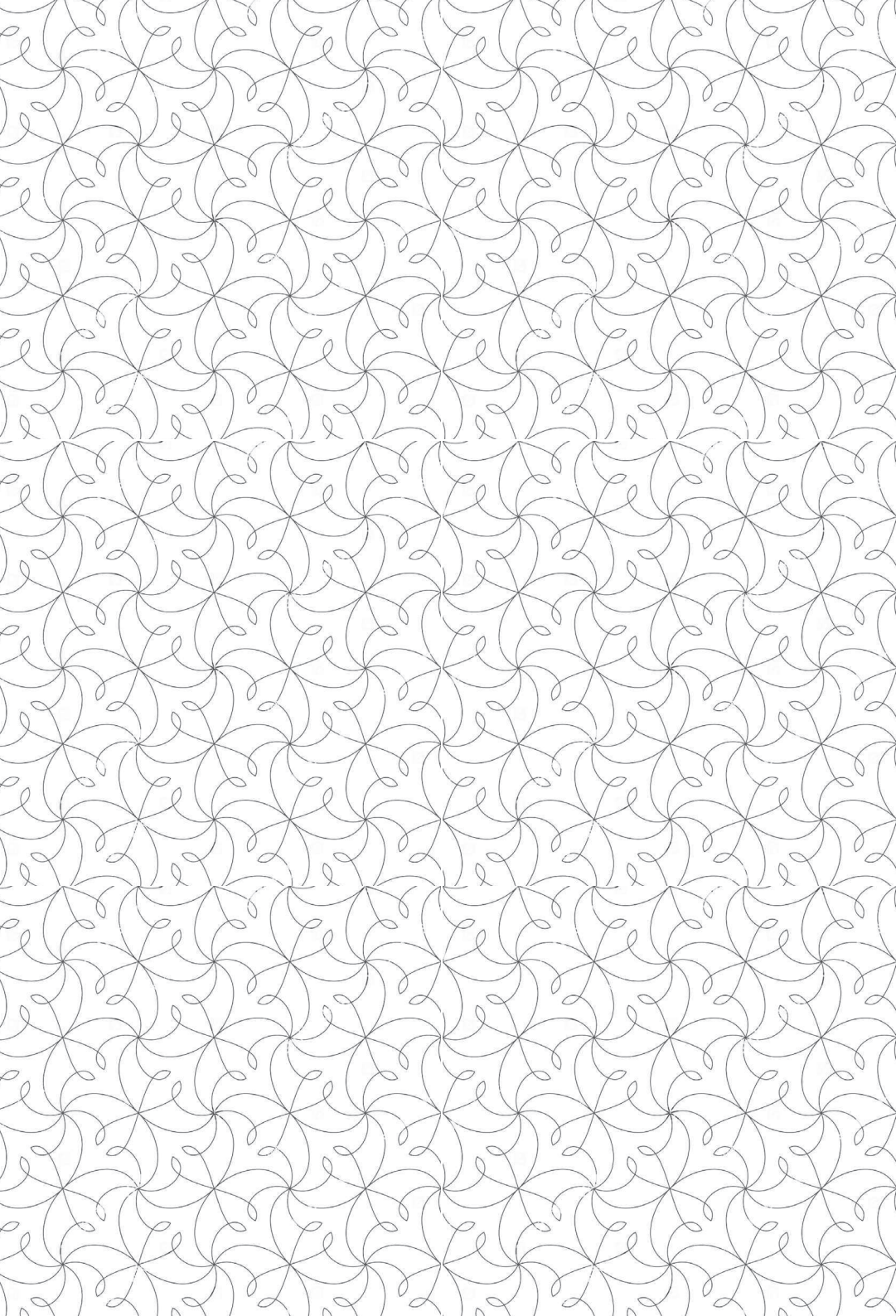
Глава «Как создаются духи» стала тогда для меня самой захватывающей в книге. Разоблачая все романтические мифы, Турин пишет о ежедневной и прозаической работе «носов», эвалюаторов, лаборантов, о больших парфюмерных концернах и о механизмах работы индустрии. Сейчас я сама уже пишу брифы для производителей, но первым знакомством с парфюмерной кухней стала для меня книга Турина. Замечательно, что мы, наконец, видим ее на русском языке.

Галина Анни,
журналист, коллекционер, исследователь,
автор учебных курсов по истории парфюмерии

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарен Тане Санчес, которая блестяще превратила беспорядочную рукопись в книгу. Большую часть исторической информации я почерпнул в беседах с Брюсом Клейманом, Кевином Райтом, Барри Байерштейном, Дженифер Майнард, Клифтоном Мелоном и Бобом Яклевичем. Всем огромная благодарность. Я благодарен всем моим друзьям, в особенности Джейн Брок, Тиму Арнетту, Мартину Розендалю, Майклу Райду Хантеру и Чандлеру Берру за их доброту на протяжении многих лет. Сюзен Хантер-Джорнс — лучший в мире невропатолог, и я очень многим ей обязан. Не хватает слов выразить мою признательность Джефффри Бернстоку за то, что выделил мне уголок на своей кафедре анатомии, и Маршаллу Стоунэму за великодушное приглашение меня на физический факультет лондонского Университетского колледжа в 2004 г. Мои друзья-парфюмеры, в особенности Ги Робер, Калис Беккер, Крис Шелдрейк и Роджер Дюпре, терпеливо объясняли мне многие вещи, до которых я сам никогда бы не додумался. Спасибо вам, Джулиан Луз и Генри Воланс из издательства Faber. Спасибо Жаклин Грант — СЕО компании Flexitral за то, что превратила мечту в книгу мечты. И, наконец, но не в последнюю очередь, моя любовь и благодарность моей матери Аделе за то, что вырастила меня упорным и порой опрометчивым.

NOMBRE NOIR: КАК Я ПОПАЛ В ПАРФЮМЕРИЮ

В 1981 году в возрасте двадцати одного года я переехал из Лондона в Ниццу. Помню, я размышлял, сколько времени мне потребуется, чтобы перестать обращать внимание на красоты этого места, причудливость фантастических вилл, жемчужные рассветы, неожиданные виды, открывающиеся на каждом повороте горных дорог. Со временем я понял: этого не произойдет никогда. Но вскоре я увидел и другое: за ослепительной кривой улыбкой Английской набережной все остальное требует серьезной работы дантиста, поскольку представляет собой убогие остатки 1960-х: торговцы дамскими шляпками, предлагающие штампованные модели; загибающиеся автошколы; эльзасские ресторанчики, где подают *choucroute* в летнюю жару*.

Некогда в прошлом, вероятно, в связи с близостью к Грассу, здесь должен был процветать парфюмерный бизнес. Едва ли не в каждом квартале можно было найти грустную парфюмерную лавочку с полками, уставленными забытыми

* Лучшее из всех возможных описаний Ниццы можно найти в романе Патрика Модриано «Августовские воскресенья». — *Прим. авт.*

сокровищами, покрытыми пылью. Похоже, представители разных профессий придерживаются разной манеры поведения. Французские булочники стараются быть дружелюбными, цветочницы надменны и лаконичны, мясники вульгарны. Парфюмерией в Ницце обычно торговали грубые женщины средних лет, постоянно пребывавшие в дурном настроении. Несомненно, этому в определенной степени способствовала яростная конкуренция со стороны крупных универмагов. Это делало задачу выискивания необычных парфюмов более интересной, своего рода школой очарования наоборот. Примерно в то же время я подружился с бельгийским реставратором-антикваром, который обшаривал блошинные рынки в поисках мебели и заодно прихватывал для меня старые (и дешевые в те времена) флакончики с духами. Так было заложено начало моей коллекции парфюма.

В начале следующего года, во время очередного посещения «Галери Лафайет», я обратил внимание на новенькую блестящую черную арку в углу отдела парфюмерии. Она обозначала вход к стенду японской компании Shiseido, о которой я никогда не слышал, и там был представлен их первый «западный» аромат: *Nombre Noir*. До сих пор помню сотрудника в черной униформе, брызгающего мне на руку из черного стеклянного восьмиугольного пробника.

Аромат был, и остается до сих пор, полным сюрпризом. Любой парфюм, как тембр голоса, может сказать нечто большее, чем выражено словами. *Nombre Noir* говорил «цветок». Но так, как он это говорил, было божественно. Цветком в основе *Nombre Noir* было нечто среднее между розой и фиалкой, но без сладковатого оттенка той и другой, а с терпковатым, почти безупречным шлейфом кедровых

ноток ящика для сигар. В то же время он не был сухим, казалось, он поблескивал текучей свежестью, которая заставляет его глубокие цвета светиться как витражное стекло.

У *Nombre Noir* был голос ребенка старше своих лет, одновременно свежий, хриплый, модулированный и слегка неустойчивый. В этом была какая-то наивность, что заставило меня вспомнить о стиле Колеетт в ее романах о Клодин. Также вспомнились фиолетовые чернила, которыми писали любовные письма, и замечательное французское слово *farouche*, которое может означать и пугливость, и ярость, и то и другое сразу. Я немедленно купил маленький квадратный черный флакон объемом пол-унции, жутко дорогой. На нем были инициалы SL, что соответствовало незнакомому мне имени «Serge Lutens». Через несколько месяцев моя подруга, когда уходила от меня, забрала с собой этот флакончик, вскоре после этого он был снят с производства. В то время я и не думал, что пройдет целых двадцать лет, прежде чем я смогу вновь ощутить этот запах*.

Мне всегда нравился парфюм, но здесь была любовь. Я как раз только что нашел первую реальную работу, а Франция, благодаря тому, что президентом был выбран Франсуа Миттеран, переживала краткий, но яркий период расточительного найма государственных служащих. Набор 1982 г. оказался легендарным: ни до, ни после не было так легко получить постоянную работу в качестве ученого. У меня появилась приличная должность, я мог распоряжаться

* Только в прошлом году мне удалось выменять у знакомого журналиста большой флакон *Nombre Noir* (черный, восьмиугольный) за драгоценную унцию аромата *Chypre Coty* выпуска 1917 года. *Nombre Noir* создал Жан-Ив Леруа, трагически покончивший с собой в этом году. — *Прим. авт.*

своим временем, я получил доступ к превосходной библиотеке и стал заниматься тем, что и полагается ученому: начал думать. Именно *Nombre Noir* оказался отправной точкой моего долгого путешествия в таинственный мир запахов, путешествия, растянувшегося на пятнадцать лет.

Тайна заключается вот в чем: хотя сейчас мы знаем почти все, что нужно знать о молекулах, мы не знаем, как наш нос их читает. Сотни химиков на планете каждую неделю создают новые молекулы. Во времена, когда еще не было специалистов по технике безопасности, химики самым элементарным образом проверяли на вкус и запах плоды своих трудов. Больше они так не делают. Мой коллега Дэниэл Бергер полагает, что те, кто этим занимались, рано умирали и не успевали передать свои гены, поэтому вид *homo chemicus* var. *gustans* просто исчез. Однако если запах достаточно сильный и они либо сознательно открывают флакон, либо забывают закрыть его, его можно почувствовать. Но каждый раз является абсолютной тайной, как будет пахнуть та или иная молекула. Каждая молекула — словно глиняная табличка со словом на неведомом языке, которое соответствует определенному запаху — будь то роза, банан или мускус. Гора таких табличек сейчас громадная, точнее сказать, настолько большая, что никто не в состоянии разобрать больше самой малой части запахов, и мы до сих пор не понимаем, как они записываются. Таинственному шифру и посвящена эта книга. Как все настоящие тайны, она лежит на поверхности. Возможно даже, она углубляется по мере того, как углубляется наше понимание природы запахов. Суть этой чрезвычайно заманчивой тайны в следующем: что представляет собой химический алфавит, который наш нос безошибочно умеет читать с самого рождения?

Слабый интерес к этой теме отчасти объясняется тем, что наука о запахах, или *одорология*, мало что дает полезного таким серьезным областям деятельности, как, например, медицина или технологии. Болезней, причиной которых являются запахи, немного, они обычно вполне излечимы и не вызывают особых эмоций. И создание ароматов, хотя и представляет собой большой бизнес, является низкотехнологичным, несерьезным и переменчивым миром. Относительное пренебрежение запахами по сравнению с другими чувствами может быть также объяснено тем фактом, что их не так просто передать, как изображения или звуки. Как выразился один мой коллега, «парфюм по факсу не перешлешь». Вполне вероятно также утверждение (хотя и ошибочное), что восприятие запахов не столь надежно, как восприятие изображения или звука. Ну и наконец, в отношении запахов и ароматов бытует мнение, что «не мужское это дело». Во время своих лекций я обнаружил, что мужчины-ученые, когда им предлагают понюхать блоттеры, краснеют и хихикают, как школьники, в то время как женщины охотно их нюхают и активно обмениваются впечатлениями между собой. Какими бы ни были причины, шифр остается неразгаданным.

Это не значит, что людям не интересно. О природе запахов начали задумываться еще в античности. Запах считался свидетельством существования атомов (что справедливо), и различием их форм — округлой (роза) или заостренной (горчица), а это уже неверно. Но современные теории не слишком сильно отличаются от тех представлений. В принципе, они утверждают, что форма молекулы запаха, т. е. геометрическое расположение атомов, определяет характер аромата. Как мы увидим далее, идеи, связанные с формой, совершенно не в состоянии объяснить центральную

Секрет запаха
входит в ряд
элитного круга
тайн, таких как
происхождение
жизни, анестезии,
и исчезновение
динозавров.

проблему запаха. Это больше не является проблемой исключительно профессионалов, поскольку они решить ее не смогли. Пробовать может любой. Даже Энрико Ферми, великий итальянский физик, про которого говорили, что он — последний, кто о физике знает всё, однажды заметил коллеге* в связи с запахом жареного лука:

«Было бы очень интересно понять, как это работает». На самом деле, главный секрет запаха входит в ряд очень небольшого, можно даже сказать, элитного круга тайн — типа происхождения жизни, механизма общей анестезии, родственных связей баскского языка, исчезновения динозавров. Это такой научный Меч в Камне. И взрослые и маленькие, нобелевские лауреаты и простые смертные, специалисты и любители могут подойти к камню и попробовать вытащить меч. Все закончится как минимум сорванной спиной. Время от времени кто-нибудь заявляет, что видит, как меч шевелится, но божественный свет до сих пор ни на кого не пролился. Приз все еще ждет своего владельца.

Здесь я рассказываю о том, как мне удалось взломать шифр. Точнее говоря, и как часто бывает, его уже дважды взламывали блестящие умы, но никто всерьез это не воспринял. Я просто расширил их работу, и моя книга — просто дань их прозрениям. Как будет видно впоследствии, научное сообщество до сих пор сомневается в правомочности моей

* Коллегой был Джорджо Карери из Римского университета, который и рассказал мне об этом.